

А.И. Солженицын — заключенный на шарашке «Марфино». Официальный снимок в казенном костюме и галстуке. Декабрь 1948 г.

И революция, террор, ГУЛАГ, коллективизация, разрушение храмов, война, а также раковый корпус, битва теленка с дубом, поражения и победы — существенные категории мироощущения писателя.

А еще: любовь, семья — самое дорогое и самое уязвимое место у человека, дружба и предательство, раскрытие замысла о себе и его реализация как движение к Чуду.

И двадцать томов написанного и сказанного Солженицыным — собирателем «частиц тепла» делают Россию все более теплой, и кажется, что рана 1917 года была не смертельной, что страна не канула в Мировое Ничто, что страна воскреснет в том веке, для которого Солженицын еще не подобрал определения.

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

В «МАРТЕ СЕМНАДЦАТОГО»

В написанной пятнадцать лет назад знаменитой статье «Наши плюралисты» А. Солжени-

цын писал, что у него «вся жизнь ушла на один 1917 год». В писавшихся параллельно с этой статьей и «Красным колесом» «Размышлениях над Февральской революцией» писатель настаивает на том, что «если выбрать в русской истории роковую ночь, если была такая одна, ступившая в несколько ночных часов всю судьбу страны, сразу несколько революций, — то это была ночь с 1 на 2 марта 1917 года».

Крупнейший писатель планеты последней трети XX века, отдавший шестьдесят лет сознательной жизни и два десятка объемных томов эпопеи, романов, повестей, рассказов, крохоток, пьес прозаических и стихотворных, киносценариев и «едва ли не всех мыслимых публицистических жанров», по слову составителя трехтомной публицистики писателя Н.Д. Солженицыной, заслуживает того, чтобы осмыслить это явление во всем объеме не в небольшой газетной статье. Да и дата эта, отнюдь не только под его пером, но и в свете пяти последних лет, «рифмующих» с открытым и уясненным А. Солженицыным «опытом Февраля», на самом деле и является центральным событием, во всяком случае Российской истории. Ведь если то, что произошло в октябре-ноябре семнадцатого, частично, клочкообразно и непоследовательно, все же если не «отменено», то по крайней мере повернуто в другое русло событиями 1990–1993 годов, то февраль-март семнадцатого до сих пор «бесповоротен», и возврата к тому, что А. Карташев называл «старой, нормальной Россией», а Набоков — «еще приемлемой» Россией, нет и в ближайшее время не предвидится. Подлинного преемства в ней (в том числе и на уровне правопреемства) нет как нет. Последствия февраля-марта оказались труднее преодолимые, нежели последствия октября-марта, как это ни парадоксально.

В написанной десять лет назад содержательной статье «О Марте Семнадцатого» Н. Струве пронизательно обращал внимание читателя: «не раз Солженицын повторял, что в сегодняшней России (в ту пору застылой, брежневской)